

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-210-216

«ЗЛЫЕ» И «ДОБРЫЕ» ЖЕНЫ В «ПОВЕСТИ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ»

© Юэ Сыци

“EVIL” AND “GOOD” WIVES IN “THE TALE OF SAVVA GRUDTSYN”

Yue Siqi

This article examines the representations of the “evil wife” and the “good wife” in “The Tale of Savva Grudtsyn” within the literary, cultural, and religious context of the seventeenth century. The study explores the way female characters in transitional Old Russian prose reflect the moral, social, and spiritual tensions of the period. The aim of the research is to analyze the symbolic functions of these opposing female images and their role in creating the moral and instructive content of the work. The research is based on the historical-literary, comparative, and comparative-typological methods. Our analysis made it possible to establish that the image of the “evil wife” is linked with temptation, sin, and demonic influence, while the image of the “good wife” embodies the spiritual and moral significance in women. Special attention is given to characters such as Savva’s mother and the centurion’s wife, whose roles highlight the importance of female influence in the moral formation and spiritual salvation of the male protagonist. The results of our research demonstrate that the contrast between these two types of female characters reflects fundamental moral dichotomies of the epoch and functions as a didactic tool within the narrative. The findings contribute to a deeper understanding of gender representation in 17th-century Russian literature and may be applied in future studies of symbolism, allegory, and moral categories in Old Russian texts.

Keywords: good wife, dichotomy, evil wife, 17th-century Russian literature, female images

Статья посвящена исследованию образов «злой жены» и «доброй жены» в «Повести о Савве Грудцыне» в контексте литературных и исторических представлений переходного XVII века. Актуальность работы определяется необходимостью более глубокого осмысления женских персонажей древнерусской словесности как носителей нравственных, религиозных и символических смыслов. Основная проблема исследования связана с выявлением того, каким образом противопоставление женских образов отражает конфликты эпохи и формирует восприятие христианских ценностей. Цель статьи состоит в анализе художественных функций данных образов, их символической нагрузки и роли в создании нравственно-поучительного содержания произведения. Методологическую основу исследования составляют историко-литературный, сопоставительный и сравнительно-типологический методы. В результате анализа установлено, что образ «злой жены» представляет собой воплощение искушения и морального падения, связанного с дьявольским началом и разрушительными мотивами, тогда как образ «доброй жены» акцентирует христианские добродетели, духовную стойкость и спасительную роль женщины. Показано, что данная двойственность женских персонажей отражает культурную динамику XVII века и служит важным средством раскрытия темы борьбы добра и зла. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении функций женской образности переходного периода, а практическая – в возможности использования результатов при дальнейшем изучении русской литературы XVII века.

Ключевые слова: добрая жена, двойственность, злая жена, русская литература XVII века, женские образы

Для цитирования: Юэ Сыци. «Злые» и «добрые» жены в «Повести о Савве Грудцыне» // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 1 (83). С. 210–216. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-210-216

Введение

«Повесть о Савве Грудцыне» привлекает внимание исследователей благодаря своей глубокой религиозной символике и ярким образам женщин, представляющим собой противополож-

ные архетипы – «доброй» и «злой» жены. Это произведение является одним из ключевых в истории русской литературы второй половины XVII в. и изучается в контексте русской истории, литературы и религиозной мысли.

В последнее время все больше ученых, литературоведов и культурологов обращают внимание на социально-культурные аспекты произведения, исследуют систему его персонажей и скрытые в его конфликте моральные противоречия. В центре внимания в повести оказывается герой, который совершает тяжкий грех, поддавшись влечению к «злой жене», но в конце концов он получает прощение от Богородицы, причем в этом ему помогает «добрая жена». Эта ситуация подчеркивает явную двойственность женских образов в произведении, выраженную через типы «доброй» и «злой» жены.

I. «Злая» жена.

Типичным воплощением типа «злой» жены выступает любовница Саввы – жена Бажена Второго. Она становится непосредственной причиной падения главного героя, подтолкнувшего его к продаже души дьяволу. Она изображается исполненной желаний, активно соблазняющей Савву и мстящей за его сопротивление. Этот образ символизирует греховное искушение и нравственное падение.

Образ «злой жены» в «Повести о Савве Грудцыне» выступает как глубокая литературная метафора, отражающая последствия социальной нестабильности эпохи Смутного времени. Действие повести начинается в то время, когда в Московском государстве правит Лжедмитрий I, Григорий Отрепьев, своевольно захвативший престол. Исторический контекст оказал значительное влияние на формирование этого образа. В этот период все слои общества переживали значительные потрясения, а низшие классы активно участвовали в социальных конфликтах. В «Курсе русской истории» В. О. Ключевского упоминается, что «Болотников шел напролом: из его лагеря по Москве распространялись прокламации, призывавшие холопов избивать своих господ, за что они получают в награду жен и имения убитых» [1, с. 47]. Такое обесценивание женщин и разрушение моральных устоев создали глубокий исторический контекст для формирования литературных образов, подобных «злой жене». Это стало одной из социальных основ для появления этого образа в XVII в.

В «Повести о Савве Грудцыне» образ «злой жены» демонстрирует ярко выраженные стереотипные черты. Она является орудием дьявола, ее поступки явно подчиняются его влиянию. Ее равнодушие к празднику Вознесения Христова указывает на то, что ее душа полна зла и страстей. Ее роль в развитии повествования крайне важна, поскольку она – ключевой персонаж в развитии сюжета. С. В. Омельянчук, затрагивая тему связи женщин с дьяволом в древнерусской

литературе XVII в., показывает, как «сформированный в рамках религиозной литературной традиции предрассудок о слабости женщины перед дьявольскими кознями и ее природной развращенности нашел свое воплощение и в светской литературе XVII в.» [2, с. 10]. В повести автор неоднократно упоминает дьявола при описании действий «злой жены»:

«от зависти диаволи», «жена же его диаволом подстрекаема, встав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и, возбуди его, понуждаше к скверному смешению блудному» [3, с. 45].

Когда Савва не поддавался, «злая жена» прибегла к волшебному зелью, чтобы заставить его подчиниться. Этот эпизод не только подчеркивает злобу жены, но и указывает на то, что она прибегает к колдовским магическим практикам и в этом уподобляется ведьмам, которые в средневековой культуре ассоциировались с умением использовать волшебные зелья и обладали силой, способной погрузить человека в бессознательное состояние или даже привести к смерти. Эти представления были широко распространены в Средневековье, особенно среди мужчин, которые испытывали к ведьмам сильную неприязнь. Ранняя средневековая церковь трактовала ведьм и их магические способности как «проявление дьявольского влияния» [4]. Таким образом, преступления «злой жены», как это обычно бывает в средневековых литературах, объясняются влиянием дьявола, что служит для читателей предостережением, напоминанием о необходимости соблюдения моральных норм и подчеркивает важность целомудрия и верности для женщин.

Образ «злой жены» практически полностью лишен индивидуальности и психологической глубины, демонстрируя лишь одно желание и импульс. В повести акцентируется похоть и злоба «злой жены», однако ее характер остается недостаточно раскрытым, что затрудняет понимание ее личности. Действия жены Бажена продиктованы сильным личным влечением, используя угрозы и ласки, она принуждает Савву выполнить ее требования, ориентируясь исключительно на собственные желания, без иных мотивов:

«Она же, ненасытно распяляема похотию блуда... дабы исполнил желание ея» [1, с. 46].

Желание и злоба служат основными характеристиками образа «злой жены», что также отражает тенденцию упрощать и стандартизировать женские роли в литературе того времени.

Жена Бажена уподобляется змее и лютой львице:

«...яко лютая змия востонавше, отиде от ложа его, помышляше, волшебнымъ зелием опоиши его...», «яки змия, хотяше яд свой изблевати на него» [Там же, с. 47].

Интересно, что в древнерусской литературе змея часто символизирует «злую жену». Например, в «Житии боярыни Морозовой» патриарх называет героиню «злой змеей» из-за различий в религиозных убеждениях. В «Сказании об убийнии Даниила Суздальского и о начале Москвы» княгиня Улита также сравнивается со змеей из-за своей развратности и способности на убийство. В «Писании о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского» «лютой змеей» называется дочь Малюты Скуратова и жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского княгиня Марья. Змея становится символом «злой жены», обычно ассоциирующимся с развратом, злобой или преступлениями. Эти сравнения способствуют углублению предрассудков, существовавших в тот период и представлявших женщин не как самостоятельные личности, а как орудия, играющие роль катализаторов морального падения мужчин.

М. А. Дроздова отмечает, что «отношение древнерусского автора к отрицательным женским персонажам обыкновенно лишено осуждения» [5, с. 9–15]. Исходя из приведенных выше примеров, можно заметить, что в «Повести о Савве Грудцыне» действия «злой жены» действительно обусловлены завистью и влиянием дьявола:

«таким образом, каждое наваждение героини сопровождается пояснением его причины, которая кроется в кознях дьявола» [3, с. 46–47].

Однако нам представляется, что это не исключает полностью личную активность «злой жены». Исследователи отмечают, что «проблема индивидуальной личной судьбы и ее драматических коллизий была художественно осознана лишь в XVI–XVII вв.» [6, с. 96], и мы можем заметить, что в повести подчеркивается:

«Она же, ненасытно распалема похотию блуда», побуждает Савву, «дабы исполнил желание ея» [3, с. 47].

В этом примере автор указывает на значимость таких факторов, как личные похоть и желание женщины. Д. С. Лихачев обращал внимание на то, что «в XVII веке с развитием индивидуализма судьба человека становится его личной судьбой, она индивидуализируется» [7, с. 103]. По мнению А. М. Ранчина, действия Саввы и

жены Бажена «раскрывают неосмотрительность старого мужа» [8, с. 1]. В «Повести о Савве Грудцыне» Бажен изображен как благочестивый человек, но его поведение может быть интерпретировано и сатирически. В повести сказано: «Богобоязливый же оный муж... сказуя ему вины некия» [3, с. 48], что намекает на то, что он давно осведомлен о незаконных отношениях своей жены с Саввой. Уход Саввы позволяет избежать дальнейшего ухудшения ситуации и сохранить положительный образ Бажена.

Кроме того, в древнерусской литературе при изображении исходящего от женщин зла используется иной взгляд, отличающийся от библейской традиции. В образе «злой жены» выражена дидактическая функция, при этом избегается прямая критика женского начала. В христианской традиции распространены трактовки женской природы как изначально греховной. В «Повести о Савве Грудцыне» образ «злой жены» представлен, скорее, как инструмент для развития сюжета, а ее зло тесно связано с влиянием дьявола. Психологический портрет «злой жены» в произведении проработан поверхностно, что не позволяет понять причины формирования ее злобного характера. Возможно, до замужества она была доброй и наивной девушкой, однако неравноправие и несчастливый брак привели к внутренним изменениям. В то же время поступки «злой жены» и их последствия выполняют важную воспитательную функцию, предоставляя другим женщинам в браке предостерегающий пример и подчеркивая дидактическую функцию.

Однако в «Повести о Савве Грудцыне» этот образ выходит за пределы символа личного морального падения и приобретает более глубокий смысл, который отражает широкий кризис религиозной и социальной этики. Сюжет, в котором «злая жена», одержимая дьяволом, соблазняет молодого мужчину, осуждает женские страсти и подчеркивает высокие нравственные идеалы, присущие древнерусской литературе. Таким образом, образ «злой жены» служит не только дидактическим инструментом, но и средством критики моральных и этических норм того времени.

Наконец, «злая жена» в «Повести о Савве Грудцыне» – важный символический женский образ. М. А. Дроздова обращает внимание на то, что она, будучи одним из ключевых женских образов произведения, не имеет имени, называется женой, и это наименование часто сопровождается притяжательным или указательным местоимением: «жену его», «той жены», «женою оною» [Там же]. Исследовательница считает, что автор повести делает это намеренно, чтобы избежать персонализации и конкретизации, под-

черкнуть символический характер образа. Более того, биографический рассказ о «злой жене» не имеет четкого финала. М. А. Дроздова предполагает, что это обусловлено позицией автора, который не считает необходимым подробно описывать последствия ее неверности. После ухода Саввы героиня исчезает из повествования, выполнив свою единственную функцию – привнесение соблазна и греха в жизнь героя.

Наряду с типом «злой жены» Е. И. Сулица вводит понятие «искусительницы», считая типичным примером такого образа Еву: «В данном контексте Ева воспринималась как образ-символ, который позволял отождествлять женщину с пособницей нечистой силы и искусительницей мужского пола... внешняя естественная красота и приукрашивание себя – способ обольщения мужчины» [9, с. 170].

В «Повести о Савве Грудцыне» молодая жена Бажена Второго предстает ярким воплощением этого типа. Савва становится жертвой ее личного искушения:

«Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некоею великою скорбию болел» [3, с. 48].

Савва заключил договор с дьяволом, чтобы совокупиться со «злой женой», то есть именно она приводит его к духовному падению. Ее поведение обусловлено влиянием дьявола, который использует женскую природу в качестве инструмента для душевредного воздействия на мужчин, именно так классический сюжетный мотив реализуется в древнерусской литературе XVII в.

В то же время можно заметить, что жена Бажена живет в неравном и несчастливом браке, и в этом тоже необходимо усмотреть истоки ее поведения. Неравенство проявляется в социальных различиях между супругами, а несчастье в том, что эмоциональные потребности жены остаются неудовлетворенными, что в итоге приводит к ее аморальному поведению с Саввой. Бажен в определенной степени косвенно спровоцировал такие действия: молодая и привлекательная женщина оказалась замужем за старым и утратившим жизненную силу мужчиной, что не могло удовлетворить ее эмоциональные потребности:

«Той же Бажен Второй старый, и имея у себя жену, третьим браком несправедливо приведенную, девою пояту сущу» [Там же, с. 45].

В итоге она обращается к другим способам их удовлетворения, обратив свое внимание на

молодого Савву и постепенно проявляя черты искусительницы:

«Весь бо женское естество уловляти умы младых к любодеянию» [Там же, с. 46].

По сравнению с образом «злой жены» в предшествующей литературной традиции, жена Бажена в русской литературе XVII в. трансформируется в более сложный тип «женщины-искусительницы». Этот образ объединяет традиционные признаки искусительницы и реальные черты поведения женщин той эпохи. Ее действия раскрывают как влияние дьявольской силы, так и особенности личного характера и влияние жизненных обстоятельств самой героини.

Можно сделать вывод, что образ «злой жены» в повести отличает жестокость и готовность на любые поступки ради удовлетворения своих личных желаний, при этом ее поведение явно отражает влияние демонических сил. Отчасти характеристики «злой жены» оказываются близкими к образу средневековой ведьмы, однако автор не уделяет этому приоритетного внимания, так как она служит лишь инструментом для развития сюжета.

II. «Добрая» жена.

Противоположностью «злой жене» и «искусительнице» является тип «доброй» жены, олицетворяемый образом Пресвятой Богородицы. Она символизирует чистоту, милосердие и прощение, выступая опорой для героя в его стремлении к избавлению от греха. М. А. Дроздова указывает, что сияние Богородицы контрастирует с тьмой дьявола, символизируя спасение Саввы из греховной тьмы [5, с. 9–15]. Цветовые метафоры широко применяются в литературных произведениях, и контраст между красным и черным в этом контексте имеет особое значение. Красный цвет обычно ассоциируется с жизнью и любовью, а Богородица в красной мантии является олицетворением спасения. Чернота, в свою очередь, связана с ночным временем, пустотой и скорбью, символизируя бездну, а также намекает на неизбежную участь Саввы после его соглашения с дьяволом, ведущего к безвозвратному падению.

Кроме того, значительную роль в спасении героя играют мать Саввы и жена сотника. В повести матери уделяется немного внимания, но она предстает типичной для средневековой эпохи женщиной, покорной своему мужу, глубоко преданной и искренне верующей. Несмотря на то что она сильно любит своего сына и обеспокоена его поведением, она сама не принимает никаких решений и всегда зависит от воли мужа. Мать

пишет Савве письма, призывая его вернуться на путь праведности, что указывает на ее образованность. Однако Савва не принимает ее советов, что свидетельствует о постепенном углублении его заблуждений и отдалении от правильного пути. Это становится предвестием его дальнейшего падения и окончательного попадания в ловушку дьявола. А. Г. Маслова отмечает, что основным вопросом, который стоит перед произведениями XVII в., является порожденный конфликтом родителей и детей вопрос: «Жить по-своему, по-новому, или следовать принципам жизни своих родителей» [10, с. 91].

Жена сотника, становясь для Саввы второй матерью, видела его страдания и глубоко сочувствовала ему, заботясь о нем. В процессе спасения души Саввы она сыграла ключевую роль, убедив его, уже погрязшего в грехах, покаяться. Ее искренняя вера и благочестие стали для Саввы примером, что в итоге привело к его встрече с Пресвятой Богородицей.

Образ «доброй жены» в древнерусской литературе интегрирует христианские элементы, представляя собой идеал мудрости и добродетели. Жена сотника благодаря своей прозорливости и доброте совместно с мужем находит способ передать известие о тяжелой болезни Саввы царю, предоставляя герою шанс на спасение:

«и, сия помыслив, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице, повелевает ей, да все подробно возвестила бы царю» [3, с. 46].

Недаром здесь возникает еще один женский персонаж – родственница сотника, которая служит при дворе и имеет возможность сообщить о происшествии царю, что свидетельствует о постепенном расширении роли женщин в общественной и придворной жизни, особенно в период правления первых двух царей династии Романовых. Это изменение отражает рост статуса женщин в XVII в., что указывает на то, что они уже не ограничивались традиционными семейными ролями, но приобретали вес в более широких социальных делах.

Образы жены сотника и матери Саввы могут рассматриваться как земное воплощение Богоматери. Они играют важную роль в движении Саввы к истинному спасению, символизируя силу любви и искупления. Кроме того, гармоничные отношения жены сотника с мужем выступают примером христианского брака, отражая средневековый идеал единства супругов. Таким образом, они подчеркивают значимую роль женщины в религиозной системе ценностей средневековой культуры.

Образ Пресвятой Богородицы раскрывается через восприятие Саввы, описывается как «*светлолепная*» женщина в багряных одеждах, которая является ему во сне и, сияя «*зело и неизреченною светлостию*» [Там же, с. 57], назначает встречу на праздник явления Ее Казанского образа.

Появление Пресвятой Богородицы становится ключевым поворотным моментом, символизирующим освобождение героя от греха и его движение к духовному спасению. В праздничный день в храме Савва выздоравливает, а его душа обретает спасение. В этом событии Пресвятая Богородица воплощает безусловное прощение и милосердие. Ее образ глубоко отражает ключевые христианские концепции прощения и искупления, подчеркивая важность веры как основы духовного спасения.

Кроме того, образ Пресвятой Богородицы органично дополняет другие положительные женские образы, подчеркивая значимость роли женщин в нравственном спасении мужчины. Такое художественное решение усиливает символическое значение женских персонажей в религиозном контексте, углубляя их вклад в раскрытие духовной составляющей произведения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ «доброй жены» олицетворяет идеал женской покорности, человеколюбия, мудрости и любви. Жена сотника и мать Саввы акцентируют внимание на семейных ценностях, сочетая кротость с разумными подходами к решению семейных проблем. В семье они демонстрируют уважение и покорность мужу, что отражает религиозные представления о гармонии в браке. То, что именно Пресвятая Богородица направляет Савву к духовному спасению, усиливает религиозное значение образа «доброй жены».

В древнерусской литературе женские образы часто сводились к двум противоположным категориям. «Злая жена» обычно соотносится с образом Евы, ведьмы или змеи, в то время как для доброй жены однозначный набор символических или метафорических параллелей не вычленяется, что отражает влияние социально-религиозных представлений. Литературные произведения подчеркивают конфликт и контраст, используя метафоры для усиления отрицательных черт «злой жены», что побуждает читателя к однозначной оценке. Образ «доброй жены» представляется более обыденным, лишенным драматического конфликта, поэтому редко выражается через метафоры.

«Добрая жена» как моральный идеал обычно не нуждается в излишнем использовании риторических приемов. В древнерусской литературе добродетели «доброй жены» проявляются есте-

ственным образом через ее поведение, соответствующее религиозным и социальным нормам, и не требуют сложных символов для акцентирования. Литературные произведения часто изображают «добрую жену» через прямое описание ее достоинств, таких как послушание, доброта и трудолюбие, а не через метафору или метонимию.

В древнерусской литературе женские образы занимают важное место, среди которых особенно выделяется образ «доброй жены». Этот образ становится основой для формирования женских агиобиографий, поскольку они демонстрируют явные сходства в области нравственных убеждений, норм поведения и социальной ответственности. Подобно святым, «добрая жена» олицетворяет глубокое влияние женщин на религиозную и культурную сферы через свои поступки. Например, в «Книге глаголемой о российских святых», составленной в XVII в., не только зафиксированы подвиги женщин из высших слоев общества, но и описан особый тип святых – «праведников», которые отличаются тем, что они жили в обычных условиях семейной и общественной жизни и посвятили себя служению на благо других. Сначала святые жены часто канонизировались наряду с их великими мужьями. Однако с развитием концепции праведности и появлением новых религиозных идеалов представление о святой жене значительно расширилось. Этот образ стал включать не только супругу святого, но и других членов семьи, таких как сестры, дочери и даже невестки. Это изменение привело к расширению понятия святой жены и изменению традиционного восприятия женщины в агиографии. В результате этого процесса даже обычные домохозяйки также могли стать святыми [11, с. 84–92].

С этой точки зрения образ «доброй жены» имеет значительное сходство с образом праведницы: женщины всецело посвящают свою повседневную жизнь служению Богу. Их деяния служат примером веры для потомков и отражают высокую оценку духовных и нравственных сил женщины в древнерусской культуре.

Заключение

Смутное время начала XVII в. оказало глубокое влияние на развитие новых представлений о человеческой личности в повествовательном искусстве. В этот период люди, принимающие активное и деятельное участие в общественном процессе, далеко не всегда происходят из высших слоев общества, в результате личность начинает занимать более значимое место в литературных произведениях. Литература постепенно

начинает обращать больше внимания на желания, характеры героев и влияние внешней среды на их поступки. Например, покаяние Саввы, изменение его позиции и в конце концов возвращение на путь истинный раскрывают внутреннюю сложность персонажа. Автору «Повести о Савве» свойственно внимание к внутреннему миру личности и стремление исследовать сложность человеческой природы.

В древнерусской литературе XVII в. образы «злой» и «доброй» жены в произведении претерпевают изменения, раскрывая многослойность и сложность женской роли в обществе. Таковы и жена Бажена, движимая сильными личными желаниями, и мать Саввы, и жена сотника. Кроме того, появляются образы более смелых и независимых женщин, например родственницы сотника, которые занимают должности при дворе и обладают определенной властью. Эти женские образы не только иллюстрируют изменения в социальных ролях женщин, но и отражают более широкий процесс трансформации общественных и моральных устоев, влияя на развитие сюжетных линий и открывая перед читателем новые горизонты понимания роли женщины в историческом контексте.

Список источников

1. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. II. М. Пг., 1923. 47 с.
2. *Омельячук С. В.* Влияние литературных произведений на восприятие образа женщины в древнерусском обществе XI–XVII вв. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2024. № 3 (55). С. 6–24.
3. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997 / Т. 15 XVII век. 2006. С. 44–58.
4. *Гуревич А. Я.* Ведьма // Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2003. С. 62–66.
5. *Дроздова М. А.* Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Т. 1. СПб., 2015. № 4. С. 9–15.
6. Фелицитарный метасюжет в русской литературе XIX века / Г. М. Ибатуллина, Г. В. Мишина, Э. А. Радь, Ю. А. Старицына // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 4. С. 91–115.
7. *Лихачев Д. С.* Семнадцатый век в русской литературе // Памятники литературы древней Руси, XVII век. М.: Худож. лит., 1988.
8. *Ранчин А. М.* Как читать «Повесть о Савве Грудцыне». URL: <https://gorky.media/context/kak-chitat-povest-o-savve-grudtsyne/> (дата обращения: 24.02.2022).
9. *Сулица Е. И.* Женские типы «Искусительницы» и «Злой жены» в русской повести конца XVII – начала XVIII вв. // Вестник Рязанского государственного университета имени Сергея Есенина. 2023. № 1. С. 10–15.

ного университета имени С. А. Есенина. 2014. № 4 (45). С. 168–175.

10. Маслова А. Г. Проблема выбора и ответственности в бытовых повестях XVII в.: деятельностный подход к анализу произведений // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 4 (146). С. 90–100.

11. Руди Т. Р. Праведные жены Древней Руси (к вопросу о типологии святости) // Русская литература. 2001. № 3. С. 84–92.

References

1. Klyuchevskii, V. O. (1923). *Kurs russkoi istorii. Ch. II* [Course of Russian History. Part 2]. 47 p. Moscow–Petrograd. (In Russian)

2. Omelyanchuk, S. V. (2024). *Vliyanie literaturnykh proizvedenii na vospriyatie obraza zhenshchiny v drevnerusskom obshchestve XI–XVI vv.* [The Influence of Literary Works on the Perception of the Image of Women in Old Russian Society of the 11th–16th Centuries]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3(55), pp. 6–24. (In Russian)

3. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* (2006) [Library of Old Russian Literature]. Т. 15: XVII vek. RAN, Institut Russkoi Literatury (Pushkinskii Dom); red. D. S. Likhachev et al. Pp. 44–58. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

4. Gurevich, A. Ya. (2003). *Ved'ma* [The Witch]. *Slovar' srednevekovoi kul'tury*. Pp. 62–66. Moscow, ROSSPEHN. (In Russian)

5. Drozdova, M. A. (2015). *Obraz “zloi zheny” v proizvedeniyakh drevnerusskoi slovesnosti XVII veka* [The Image of the “Evil Wife” in Old Russian Literature

of the 17th Century]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*. Vol. 1, No. 4, pp. 9–15. St. Petersburg. (In Russian)

6. Ibatullina, G. M., Mishina, G. V., Rad', E. A., Staritsyna, Yu. A. (2020). *Felitsitarnyi metas'yuzhet v russkoi literature XIX veka* [The Felicitous Meta-Plot in Nineteenth-Century Russian Literature]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. Vol. 12, No. 4, pp. 91–115. (In Russian)

7. Likhachev, D. S. (1988). *Semnadtsatiy vek v russkoi literature* [The Seventeenth Century in Russian Literature]. In *Pamyatniki literatury drevnei Rusi. XVII vek*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

8. Ranchin, A. M. (2022). *Kak chitat' “Povest' o Savve Grudtsyne”* [How to Read “The Tale of Savva Grudtsyn”]. URL: <https://gorky.media/context/kak-chitat-povest-o-savve-grudtsyne/> (accessed: 24.02.2022). (In Russian)

9. Sulitsa, E. I. (2014). *Zhenskie tipy “Iskusitel'nitsy” i “Zloi zheny” v russkoi povesti kontsa XVII – nachala XVIII vv.* [Female Types of the “Temptress” and “Evil Wife” in Russian Tales of the Late 17th–Early 18th Centuries]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. No. 4(45), pp. 168–175. (In Russian)

10. Maslova, A. G. (2022). *Problema vybora i otvetstvennosti v bytovykh povest'yakh XVII v.: deyatelnostnyy podkhod k analizu proizvedenii* [The Problem of Choice and Responsibility in Seventeenth-Century Household Tales: An Activity Approach]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4(146), pp. 90–100. (In Russian)

11. Rudi, T. R. (2001). *Pravednye zheny Drevnei Rusi (k voprosu o tipologii svyatosti)* [Righteous Women of Old Rus' (on the Typology of Holiness)]. *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 84–92. (In Russian)

The article was submitted on 13.12.2025

Поступила в редакцию 13.12.2025

Юэ Сыци,

аспирант,

Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне,

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова,

518172, Китай, провинция Гуандун, Шэньчжэнь,

Гоцзидасюеюань, 1.

yuesytsi@yandex.com

Yue Siqi,

Ph.D. student,

Shenzhen MSU–BIT University,

Lomonosov Moscow State University,

1 Guojidaxueyuan Str.,

Shenzhen, Guangdong Province, 518172, China.

yuesytsi@yandex.com